

ЖИЗНИ ВПЕРЕД

Театральные обозрения

До конца театрального сезона еще далеко, и преждевременно делать сейчас даже предварительные выводы о его итогах. И все же, вспоминая уже показанные спектакли, все более утвердившиеся в мысли, что нынешний сезон будет отмечен как творчески яркий и во многом, обнадёживающий страница в жизни нашего театра. Театральная критика — не вся, конечно, — была в плену предвзятых, ложных представлений. Она совершенно замечала при случае, что на нашем театральном сцене лежит отпечаток унылого однообразия, что без Мейерхольда и Таирова оно потеряло всякий интерес, что все театры у нас на одно лицо и трудно их отличить друг от друга. А в это время жизни шла вперед, зрители делили свои симпатии между разными театрами, на сцене появлялись новые таланты, все интереснее становились творческие поиски актеров и режиссеров, и все чаще и чаще театральные массеры вывешивали у своих окошечек афишаги: «На сегодня все билеты проданы».

Для того, чтобы бромозать, не нужно ни ума, ни таланта. И жизни поселялась над теми недалекими критиками, которые не оценивали многообразие, анигилизм и пресекать то новое, что в ней рождалось. Это ясное в полный голос заявляло о себе на фестивале драматических театров страны. Правдивый спорт театрального творчества заявил о богатейших художественных возможностях наших театров. Социалистическая действительность открывает перед нами и величайшее многообразие волнующих тем, и богатейшее многообразие творческих решений.

Вот, например, тема деревни, тема земли, поднятой целины, которой посвящено это обозрение. Она привлекла внимание многих театральных коллективов, и каждый из них нашел в этой теме нечто свое, и спектакли у них получились разные. Даже по внешнему виду у них нет ничего общего.

Какие волнющие степные просторы открыл художник Н. Шифрин на сцене Центрального театра Советской Армии! Героям шолоховской «Поднятой целины» свободно дышалось тут, им было о чем поговорить и подумать, когда шли по засаживаемым то по лесевым дорогам Гремячего Лога. Фигура автора не затерялась на огромной пустыни, этой сцене. Художник счастливо нашел удивительно верные соотношения в использовании сценического пространства, и это помогло ему поэтически выразить борьбу между человеком и родной ой, бесконечной дорогой степи.

И вот та же родная земля в спектакле «Дали негодящие...», поставленном Театром имени Моссовета. Художник А. Васильев использует иные выразительные средства. Отказавшись от внешнего, иллюстративного правдоподобия, он приобретает и очень ясной и лаконичной художественной условностью, которая создает неповторимую, своеобразную атмосферу сценического действия. И, пожалуй, напрасно эту и без того выразительную условность художник приукрашивает цветными кинокадрами.

Поиски внешней изобразительности жизненной обстановки не увлекли и А. Тышлера, принявшего участие в постановке драматической поэмы М. Светлова «Новым сущностям» в Центральном театре имени Ермольева. Только на этот раз условные декорации далеки от условной романтической устремленности пьесы. Поэтичность светловской поэмы осталась не раскрытой, не прочувствованной художником. С неохотой эпизодически спускались на сцену было бы показу, прикрываясь самостоятельной клубной сценой, что видный на сцене столчатый театр, да еще с хорошими художественными традициями, подходящий со значительной большей выразительностью и правдой. Где-то, а уж в столчатом театре, каждый спектакль должен отличать прежде всего высокий художественный вкус, великолепное чувство художественной формы.

Какими бы ни были издержки творческих поисков, важно все же отметить главное. Театральные художники не стоят на месте, они знают, насколько важна потребность в высокой изобразительности. И чем сильнее будут они в своих поисках образного, действенного художественного воссоздания на сцене жизненной обстановки, тем ощутимее будет их помощь театру в его движении вперед.

Думаю, что участникам постановки «Поднятой целины» хореографом, многое подказал еще самим оформлением художник Н. Шифрин. Вряд ли актер Д. Сагалу безразлично было, в какой жизненной среде придется действовать его Давыдов. Широга самобытного характера шолоховского героя, его неповторимое мироощущение, его здоровье, полнокровие, миролюбивость, его обаяние, явившиеся в актерском исполнении легко

и свободно, с хорошим ощущением жизненной правды. Это верное ощущение правды характера выражено и в роли Манара Нагульнова. Актером В. Петлиным очень верно угаданы и внешний облик, и беспокойная натура этого горячего и неуправляемого, прямого и неукротимого человека, для которого в жизни нет ничего дороже и важнее интересов революции, дела партии.

Так большая правда времени, правда тех незабываемых дней, когда партия поднимала миллионы крестьян на великое историческое дело коллективизации земель, разрозненных естественных хозяйств тысяч и тысяч станиц, сел и деревень, обживает в лучших образах спектакля. И есть роли, в которых эта близость утрачивается, и тогда художественная правда подменяется внешним правдоподобием. Все как будто хорошо у В. Ратомского в роли Щукина. Но не очень ли удовлетворен актер решением малых творческих задач? Он ограничивается внешними приемами, довольствуется внешней характеристикой, не может быть, и выигрышной, в нем не раскрывающей всех глубин жизненного содержания образа.

Постановка «Поднятой целины» была задумана режиссером А. Поповым. Уже по тому, как решал он вместе с художником и артистами, можно было ожидать, что театр покажет интересную и значительную работу. Стучилось, однако, так, что болезнь не дала ему возможности выйти на сцену и довести до конца осуществление своего замысла. (Всю работу пришлось завершать режиссером А. Шагрина). И сейчас, в спектакле, чувствуется, что мы имеем дело с большим и талантливым мастером советской режиссуры, его умение строить последовательно развивающиеся сценические действия, массовые сцены, полные бурного кипежия жизни. Но почему бы им еще мог дать спектаклю? Сомнений не, надо думать, преодолеть и основную часть своего замысла, и совершенной инсценировки Т. Лондона.

«Поднятая целина» еще не дописана М. Шолоховым, и поэтому трудно ее инсценировать. Театр нашел неожиданный и сценически оправданный выход из положения. Спектакль заканчивает актер Д. Сагал, которого только что видел зритель в роли Давыдова. Перед ним выступают еще на сцене те же сцены действующие лица романа, и он проходит вперед с поднятой книгой «Поднятой целины». Он говорит о том, что книга эта еще не закончена и еще предстоит встречи с ее героями...

Да, жизнь продолжается. Каждое новое поколение вписывает в ее книгу свои волнующие страницы. Поэт-драматург и здесь остается верен своей излюбленной теме — теме связи поколений, преемственности революционных традиций. Он издалека, с 1919 года, начинает пьесу, обращенную к нашим дням. Не для себя берет поэт-романик светлые и дорогие воспоминания о сверстниках своей уже далекой комсомольской юности. Ему хочется сказать в полный голос о том, что революционный пыл первого поколения комсомольцев не угас и, как прежде, верность партии, чудесные мечты, романтика надежд окрыляют юных сынов Отчизны. «В будущее, в будущее, в будущее, всем нам на роу еще много дел!» — распевают ребята, отправляющиеся на Алтай. Но разве не слышится в этих словах отзвуки песен былых комсомольцев, и разве не будут они близки молодежи шестидесятых годов?

Зрители, видевшему спектакль «С новым счастьем!», все это покажется, пожалуй, знакомым не по существу. И не удивительно! Театр по-прежнему прочел пьесу и не построил спектакль на героико-романтический лад. Ему почему-то показались ненужной первая картина пьесы, представляющая собой поэтически воспоминание о юности девятинадцатого года, дающая ключ к решению всего спектакля. Поэтому, когда среди героев пьесы появляются уже последние, прошедшие большой жизненный путь действующие лица первой картины, на сцене ничего в сущности не происходит. Идея встречи поколений на новом фронте социалистического строительства осталась сценически нерешенной. Романтизм пьесы, обаяние, была в спектакле не очень-то яркой про-

зой, приукрашенной кое-где строгостью развлекательности.

Своеобразие индивидуального портрета драматурга требовало и своеобразия сценического воплощения пьесы. Но сжестости мысли и формы не чувствовалось, однако, в спектакле невысокой режиссерской культуры, который поставлен С. Гунимовым. И все это неизбежно сказалось на актерском исполнении. Какими бы добрым словом ни оценить благородное, умное и сдержанное исполнение своей роли В. Якутом, как бы положительно ни отзываться о В. Локарева или Г. Коржанина, С. Павлович или В. Вилине, — все же спектакль достойного, талантливого коллектива ермоловцев, не получился.

Дело, думаю, не только в том, что режиссура на почувствовала своеобразия пьесы, ее романтической атмосферы. Это еще полбеды. Дело в значительно большем — в том, что она не почувствовала по-настоящему дыхания жизни, великого смысла того огромного, чистого движения, которое увлекало тысячи молодых людей в просторы алтайских и казакских земель, где познали они вдохновляющую и романтическую красоту трудового подвига.

Волнующую и притягательную силу сценического искусства давно почувствовать зрителю в полную меру, когда свежий ветер современности влестно врывается под шпалы театра. Это доброе ощущение, подлинной сегодняшней действительности рождается на сцене «Дали негодящие...» в Театре имени Моссовета. На сцене как будто вновь исклонило, выдающегося не происходит. Зритель видит буни плохого, развлекательного колхоза, засаживается полями, которые чуть ли не разрушены в своих силах, в том, что когда-нибудь совсем будет забаваться от пьянства, разбазаривания колхозного добра; следит за тем, как постеснено поправляет дело и в этих же самых людях производит энергию, они начинают чувствовать себя хозяевами положения, их все больше и больше захватывает труд во имя общего блага.

Все это самые обидные будни. Но, показывая эту последовательность, драматург и театр раскрывают в нашей действительности поэтическое, сырную в ней красоту, выражают глубокую, оптимистическую веру в человека. В этом и заключены обаяние и свежесть спектакля, поставленного Ю. Завальским.

Весьма примечательно, что драму «Дали негодящие...» написал Н. Вирта, который в недавние годы был одним из самых горячих сторонников бескомпромиссного отображения действительности. В ту пору его возмущалась в сценарийской радости ни театру, ни зрителю. А теперь, отказавшись от слезливого, лирического жизнеописания, драматург нашупал для себя верный путь, ведущий к жизненной правде. И знать, что он несколько потворился принести свою пьесу в театр. Она еще требовала на некоторое время усидного труда писателя.

В спектакле «Дали негодящие...» одним из основных действующих лиц становится Автор. Прием этот сам по себе уже не нов. Новое здесь в названии этой роли. Появляющийся на сцене Автор не просто вживается в сценарийские действия. Размываясь обо всем происходящем вокруг, он агитирует и зрителя в эти раздумья. Это расширяет горизонты спектакля, вносит в него дыхание большой жизни страны.

Простота и непосредственность, мягкий юмор и самое главное, интерес к жизни отличают исполнение роли Автора артистом Р. Потомов. Это замечательное сочетание жизни, правды и в исполнении других роли. Много жизненного в судьбе Матвея Хижнякова, падающего настречу большим и трудным делам (артист А. Дубов). Правдива и жизненная повесть о судьбе Ани Ратинской, сдержанно и строго, с большим внутренним напряжением рассказанная В. Марешкой. Запоминается зрителю удивительно правдивый, живописно написанный портрет Никиты Стрешнева, прозванного Отрицателем, веселое критиканство которого скрывает мучающую его боль за колхоз (артист В. Новиков). Тинчич портрет и незадаченный колхозный работник Агата (артист В. Новиков). Обаянием бескомпромиссной и пылковой молодости вызывает симпатии ухня Настя (артистка Т. Чернова)...

Вот три спектакля, идущие сейчас на столичной сцене и объединенные общей темой жизни тружеников деревни. Есть в них и просчеты, и промахи, и несовершенства. И все же анализ и критика новых постановок и вышедших на сцену они рожают лучшие надежды. Жизнь зовет наши театры вперед, открывает перед ними чудесные перспективы.

Н. АВАЛКИН.

ПРАВДА
МОСКВА

7 ФЕВ 1958